

Виктор Венцель

Буковки
Цикл Обскура

16+

Виктор Доминик Венцель

Буковки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63484362

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-99563-5

Аннотация

Виктор Доминик Венцель – знаменитый немецкий писатель, столкнувшийся на изломе жизни с фатальным творческим кризисом. В попытках обрести вдохновение он бросается в крайности, балансируя на грани между гениальностью и безумием. Результатом этого становится невозможность отделить реальный мир от мира воображаемого, что неизбежно ведет к трагедии. Последним отчаянным шагом будет создание новой книги, которую он считает венцом своего творения. Виктор осознает безграничную власть над персонажами последнего произведения, но так ли прост будет удел Бога в собственном разрушенном литературном мире?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Виктор Венцель

Буковки

«Даже величайший шедевр литературы – всего лишь приведённый в беспорядок словарь»

Жан Кокто французский писатель, поэт, драматург, художник и кинорежиссёр 1889 – 1963

«Праху прах. Навсегда наступает сегодня»

Сергей Калугин, поэт и музыкант

Глава 1

Первое, что я ощутил на мгновение открыв глаза – настырная головная боль. Видимо, она проснулась еще раньше меня, некоторое время полусонно искала себе убежище, стараясь задремать на груди или животе, а теперь упрямо засела в висках и затылке, медленно и уверенно ввинчиваясь в каждый вдох и выдох. Мигрень – современный будильник и блокнот нашего времени— всегда напомним, если вчера ты хватил лишнего. Действует надежнее, чем Rolex и в добавок, совершенно бесплатна. Мне кажется, что когда наука шагнет далеко вперед, такие необходимые гаджеты, как часы и ежедневники, будут вплавлены прямо в подсознание, а болезненные ощущения, вроде головной боли, останутся только для любителей острых ощущений, и будут продаваться строго по рецепту врача. Или в секс-шопе, на худой конец. Ампулы с мигренью, таблетки со спазмами, порошки с привкусом похмелья, бинты с ощущением перерезанных вен. Впрочем, мы сейчас далеко не о будущем. Болит голова, саднят кисти и предплечья рук, но что происходит, я посмотреть не в силах.

Я закрываю глаза, стараясь справиться с тошнотой и дремотой. Тусклый серый свет из открытого окна кажется таким ярким, словно направлен через увеличительное стекло. Нужно придти в себя, отогнать глупые мысли и наконец-то

проснуться.

Я медленно отрываю тяжелую голову от подушки, осторожно сажусь на выдавшем виды диване, нервно оглядываюсь кругом. Комната темная чужая и совершенно мне не знакомая. Угрюмые блеклые стены с уродливым узором на обоях, покосившийся деревянный стул с переломанной ножкой, огромный и черный, как гроб, письменный стол, и серый провал окна по левую руку. Удивительно, но именно это окно сейчас интересует меня больше всего. Просто потому, что это окно занавешено дождем, вместо привычных штор. Мелкие капли барабают в унисон мыслям. Впрочем, непогода для осени – обычная штука.

– Ничего. Странного. Для. Осени, – повторяю я, но уже вслух. Или для весны. Забавно, но я не помню, какое сейчас время года.

Это внезапное открытие отрезвляет не хуже контрастного душа. Успокоившаяся на несколько минут карманная мигрень снова принимается точить когти о мои виски, словно, как и я, не могла найти себе место. Я пытаюсь вспомнить, какое сейчас время года. Я не знаю, который час. Я не знаю где я. Но я точно помню, кто я такой. Помню ли? Кажется...

Ах, да. *Виктор Венцель*. Эти два слова медленно всплывают из моей памяти, мягко покачиваясь на волнах мыслей. Мое имя Виктор Венцель. Незнакомое имя оказалось горьким на вкус. Я повторил его вслух, словно пытаюсь распробовать неизвестное блюдо. Меня зовут Виктор Венцель. Мне

тридцать один год. Я живу и работаю в городе под названием Глэкнер. Живу... один? Нет, не один. У меня есть жена. Ее зовут Хелла Венцель, в девичестве Кремер. Мы в браке уже восемь, нет, девять лет. У нас нет детей, потому что на первое место мы всегда ставили друг друга. И карьере. Странно, что я говорю об этом в прошедшем времени. Просто привычка, не более. Я все помню. Я родом из города Глэкнер, а она... кажется из Валфогеля. Моя Хелла – юрист, а я...

Кто. Я?

Мысли о Хелле, словно ток, проходят через все мое тело. Я не знаю где я, я не помню, почему оказался здесь и сколько здесь провел времени. Она, наверное, с ума сошла, пока искала меня. А может быть, ищет до сих пор. Я должен найти телефон и позвонить ей. Я помню ее номер наизусть. Но есть ли телефон в этой дыре?

Нужно успокоиться и попытаться вспомнить, что произошло. Вчера я проснулся в нашем доме, на нашей кровати. Принял душ, гладко побрился. Хелла приготовила завтрак. Потом... потом мы повздорили. Небольшая ссора для семьи точно не то событие, о котором стоит беспокоиться. Потом Хелла ушла. Она очень спешила. Спешила куда-то? Или к кому-то? Неважно, и едва ли играет роль.

Я съел завтрак, выпил крепкий черный кофе. Это было вчера. Или позавчера. А может быть, сегодня? Интересно, сколько времени я провел в отключке? И как оказался здесь?

Сплошная чернота, если попытаться вспомнить.

Дождь за окном усиливается. Сквозь густую серую пелену мне видно плохо освещенную трассу, когда я, покачиваясь, осторожно иду к столу. Кажется, здесь есть что-то очень нужное и важное для меня. Именно на этом столе. На крышке стола полно свободного места. Можно украсить его милыми безделушками, пепельницей и дорогой зажигалкой. Но здесь только пустая фоторамка, обломок карандаша, да стоит пишущая машинка Olympia Werke с вставленным в него белым листом бумаги. Девственно чистым пустым листом. Видимо я слишком старомоден, чтобы обзаводиться ноутбуком или модными девайсами. На машинке печатать надежнее. И стук литеров о бумагу успокаивает, если поймать ритм.

Все просто и понятно: я – писатель. Я никогда не забывал этого, просто до сих пор не могу прийти в себя. Полнейшая глупость, конечно, но кто застрахован от глупости?

Несколько минут я тихо смотрю на белый лист бумаги. Никогда не любил этот цвет. Это символ абсолютной пустоты и бесцельности. Кажется, когда-то давно, творческие личности, вроде писателей и художников придумали целый феномен белого листа. Позже его окрестили синдромом, но, не помню, чтобы психологи вносили его в разряд психологических заболеваний, отклонений или фобий. Суть этого феномена заключается в том, что человек испытывает страх, когда перед ним появляется чистый лист, или новый документ на компьютере. Этот страх сковывает, мешает сосредото-

точиться, выбивает человека из колеи. Писатель или художник не знает с чего начать работу, и как следствие, не может придумать ничего нового. И тогда остается два пути – если ты писатель, становишься графоманом и плодишь мертворожденные тексты. Или не пишешь вовсе и оказываешься в творческом кризисе. К слову говоря, есть много способов, как справиться с этим недугом. Психологические тренинги, спонтанная запись мыслей и идей, простой набор букв, чтобы закрасить этот бесконечный белый цвет. Но я выбрал алкоголь. И до какого-то момента, это помогало.

Итак, я писатель. Довольно известный, надеюсь. В каком же жанре я писал свои книги? Может быть детектив? Или детские истории? А может быть ужасы и триллеры? Драмы. Да, пожалуй, драмы.

«*Остров чудес*» – это название медленно выбирается из темноты моей памяти и преданно застывает перед глазами. Именно, «*Остров чудес*» – моя самая важная и серьезная работа. Кажется, ее номинировали на несколько премий, если не сделали национальным бестселлером. Впрочем, не время думать о книгах. Сами эти мысли вызывают тошноту, похлеще любого похмелья.

Я отвлекаюсь от пишущей машинки, один вид которой меня бросает в дрожь, поживаясь, бреду к окну. На подоконнике лежит коробочка спичек и смятая пачка сигарет. Несколько из них еще уцелели, и я подкуриваю от тусклого огонька, удивляясь, что смог поджечь с первого раза. Руки

дрожат от холода, или от нервов – сам не пойму отчего.

Улица за стеклом выглядит так, словно неловкий художник использовал мостовые и трассы Глэкнера, как палитру, протянув кистью полосу всех цветов и оттенков серого. Медленно движутся сгорбленные фигуры редких прохожих под зонтами, иногда вспыхивают слабые огни фар проезжающих машин. Удивительное однообразие, наводящее такую тоску, что хочется лезть на стены. Ничего удивительного, что я что-то забыл. Или не забывал, а просто не знал, или никак не мог вспомнить.

Напротив окна – грубая железная дверь. Это не дверь в другую комнату. На межкомнатных дверях нет цепочек, глазка или прочного железного замка, запертого на четыре оборота. Это выход из чужой квартиры, где я внезапно оказался этим утром, днем или вечером. Где я был, кто привел меня сюда и почему оказался здесь – абсолютно неясно. Моя карманная головная боль была очень против, чтобы я вспоминал. Она билась в истерике, выла на разные голоса, царапала затылок с такой силой, что мне пришлось отказаться от этой затеи. Я одергиваю свитер, в котором проснулся, проверяю шнуровку ботинок, медленно ползу вперед.

Возле двери на крючке висит чье-то пальто. Не знаю, носил ли я это пальто раньше. Или это вещь хозяина дома. Или это подарок неизвестного, приведшего меня сюда. Но пальто подошло. Немного вытянутое и грязноватое, но если поднять воротник – вполне себе прилично. На груди, за под-

кладкой лежат карманные часы. Я открываю крышку, поворачиваюсь так, чтобы на них падал свет из окна. На циферблате нет цифр. И стрелок тоже нет. Только две буквы, словно выбитые чернилами на белом фоне «Re». И ничего больше.

Глава 2

За железной дверью на ржавых петлях оказывается грязный затхлый коридор. Штукатурка и краска давно слезли с покрытых трещинами стен, известка обвалилась и свисала с лохмотьев паутины. Под ногами хрустело битое стекло – кто-то совсем недавно разбил здесь несколько бутылок, насколько можно разглядеть. Одинокая лампочка в засиженном мухами плафоне свисает с потолка, как несчастный, после повешения. По обе стороны коридора – неровные ряды безликих дверей, лишенных как номерного знака, так и ручек и даже замочных скважин. Почему-то мне показалось, что за ними ничего нет. Ни квартир, ни комнат, ни людей, ни даже пустоты. Только мертвые каменные стены или просто бетон.

Нужно успокоиться, выбраться на свежий воздух, привести мысли в порядок. Говорят, что писатели – очень своеобразные восприимчивые натуры. Могут накрутить в голове такое, что в кошмарном сне не приснится. Буйство фантазии, вместе с алкоголем, иногда творят настоящие чудеса. Я должен выйти из этого проклятого дома, сориентироваться, спросить дорогу, узнать в каком из районов Глэкнера я нахожусь. А после вызвать такси, или сесть в метро и добраться до дома.

Я живу в городе Глэкнере, на бульваре Офенроуз в доме

117. Я знаю это, и никогда не забывал. Только не помню, есть ли в моем городе метро. Впрочем, не время об этом думать. Нужно поскорее выбираться отсюда, пока еще не стряслось чего похуже. Всему и всегда есть логическое объяснение. Травма, шок, проблема с головой, в конце концов. Отчего-то же так сильно болит голова. Нет последствий без причины. Вполне возможно, что я стал жертвой автокатастрофы. Но почему я не дома или не в больнице? Может, на меня напали хулиганы, а меня избитого нашел какой-то добрый самаритянин и оставил приходить себя в своей квартире? Звучит чуть лучше, но все так же бредово. Я не верю в совпадения. И не верю, что у моего спасителя случайно оказалась точная копия моей пишущей машинки.

В конце коридора последняя дверь. Она деревянная и выглядит не так зловеще, как остальные. Хотя бы потому, что на ней есть дверной замок и ручка. Механизм замка проржавел, но все равно работает. Интересно, это место, вообще жилое? Конечно, в Глэкнере не все живут в престижных районах, но за всю свою жизнь в таких дрянных местах я, кажется, еще не бывал. Замок скрипит, но поддается. Я со злостью поворачиваю ручку и дергаю ее на себя.

Никогда не думал, что щелчок пружины и штифта может так обрадовать человека.

За дверь коридора желтый свет лампочки уже не достает. Словно кто-то обрезал ножом бледное сияние, превра-

щая лестничную клетку в пористый кусок абсолютной темноты. Только крохотное окно, намного ниже, между этажами манит далеким отсветом. Черт его знает, чем местные ребята закрасили стекло. Может, залили дрянью из баллончика? Дом, скорее всего, давно заброшен и предназначен под снос, поэтому можно ожидать всего, чего хочешь. А вот верить в чудеса давно пора перестать. Выбраться бы из этой темноты и не переломать ног – вот это уже настоящее чудо.

Темнота на лестнице повсюду. Она растет из камней, как мох. Она стекает по ступеням, как патока. Она свисает с потолка, как паутина, цепляясь за волосы и воротник пальто. Под ногами – непонятная мешанина из грязи, обломков строительного мусора и стекла. К счастью, в этой темноте почти ничего не видно, и о том, что хрустит и дробиться под каблуком ботинка остается только гадать. Перил у лестницы нет. Странно, что сама лестница еще держится.

Слышен шорох. Никак не пойму, или это я веду себя, как слон в посудной лавке, или этажом выше есть кто-то еще. Но шаги не приближаются, и я, затаив дыхание, иду вперед. Черный цвет я, конечно, люблю больше белого цвета, но слишком долго находится в темноте очень действует на нервы. Особенно тогда, когда не знаешь, чего ждать.

На следующей лестничной клетке горит еще одна лампочка – точная копия той самой, из моего коридора. Дверей здесь нет, но есть грязное оконце с разбитым стеклом. Странно только то, что звук дождя и вовсе, не слышен. Через

щель видно улицу, капли бьются, как осколки, но все так тихо, будто кто-то выключил громкость, чтобы спокойно спать.

Плевать на капли, на звук и темноту. Я уже почти выбрался из этого кошмарного места. Я на третьем этаже. Еще немного и все будет позади. Пусть полиция занимается этим делом, а мной займется психиатр, если не поможет алкоголь.

Ободренный светом я спускаюсь вниз, сразу через несколько ступеней, но не забываю смотреть под ноги. И именно поэтому я увидел надпись не сразу, а лишь тогда, когда почти проскочил ее. Я замер, повременил, шагнул назад, стараясь разглядеть то, что написано на облупившейся, как кожа, стене. Неровным истеричным почерком, черной краской на сером камне было выведено только одно слово.

– «*Буковки*», – читаю я вслух, удивляясь своему, но такому непривычному голосу, – *Буковки*...

От слова «*буковки*» почему-то веяло могильным холодом. Оно было совсем лишним, абсолютно неподходящим и чужим для этих стен. Как детский смех на кладбище. Как стук в пустой квартире. Как белый лист в рукописи. Из всего, что я видел за это время, только безобидное граффити действительно пробирало до костей, а вот все прочее казалось простым и понятным.

Паническая атака. Это бывает. Я нездоров. Даже в такие моменты стоит пытаться думать логично.

Я спускаюсь вниз, но уже медленнее. Слово на стене отрезвило, резко выдернуло из мыслей в реальный мир.

Один лестничный пролет сменяется другим, бесконечные ступени хороводом сбегают вниз, а я прислушиваюсь к тишине, словно опасаясь, что эхо от моего голоса еще не заглохло. Я осознаю, что боюсь разбудить этот дом. Я боюсь не того, что может таиться в нем. В его комнатах и коридорах. Я боюсь его самого. И эта мысль настолько нелепа, что я почти верю в нее.

Лестница обрывается узкой замусоренной площадкой. Двери подъезда прикрыты, но не заперты, и я с усилием распахиваю их, ныряя из темноты заброшенного дома в темноту дождливой ночи. Холодные капли приводят в себя, остужают лицо, успокаивают головную боль, проснувшуюся от звука собственного голоса. Улица дарит покой.

Я отхожу на несколько шагов от подъезда, нахожу в себе силы обернуться и посмотреть своему страху в лицо. Угрюмая многоэтажка с ослепшими глазами окон, кажется, продолжает следить за мной из каждой своей трещины и щели. Ну уж нет, поздно! Я на свободе. Я выбрался, и тот, кто оставил меня здесь, дорого заплатит за это! Теперь пусть этим занимается полиция, куда я непременно отправлюсь, лишь дам знать Хелле, что я жив и здоров.

И все же, праздновать успех еще рановато. Даже спиной я ощущаю смутное присутствие чего-то враждебного и чужого, что следит из темноты за мной. Паранойя, конечно, но лучше не стоять на месте.

Неплохо бы еще понять, где я, что это за место и куда

идти, но если я правильно помнил вид из окна, достаточно просто пересечь внутренний дворик и выйти за угол дома. Там будет улица с ее дурацкими оранжевыми фонарями, одинокими промокшими прохожими, парой-тройкой кафешек или баров. Там есть жизнь, в отличие от этих задворков цивилизации.

Люди – социальные существа. Даже если ты мизантроп, социофоб или социопат, если ты оказываешься в непонятной и пугающей ситуации, тебя все равно будет влечь к людям. Это дает иллюзию спокойствия. И именно в этом есть одна из шуток каверзной эволюции. Первобытные инстинкты все равно не дадут тебе погибнуть.

Не смотря на то, что бывать в обществе я никогда не любил, решениями не мучился вовсе. Я пробежал по мокрой траве, перемахнул через низкое ограждение, нырнул под кроны тяжелых деревьев, проступающих из темноты. Зловещая громада дома, царапая низкое сырое небо, величаво проплывает слева от меня.

Я прикрываю лицо руками от веток и дождя, продираюсь вперед, с проклятием перешагиваю бордюр и выхожу вперед, щурясь на тусклый электрический свет. Память меня не подвела, сориентировался я правильно. Здесь фонарей немного. Горит из них еще меньше. Серая, будто пепел и прямая, как стрела, дорога расходится в противоположные стороны. Я оглядываюсь по сторонам, прислоняю ладонь к глазам, что-

бы разглядеть хоть что-то через завесу дождя, превратившего всю картину мира в потекшее стекло.

Ночная улица пустынна. Ни прохожих, опоздавших на вечерний автобус, ни редких машин, спешащих к центру города. Даже сирен полиции не слышно, а уж в этом районе точно происходит что-то нехорошее. Дома вдоль дороги – пустые и мертвые. Нет ни одного горящего окна. Что-то не слышал я, чтобы в Глёткнере отдавали под снос и перестройку целые кварталы.

Теперь я шагаю по мостовой, стараясь не обращать внимания на лужи. На сколько хватает глаз – пустынная серая улица, покрашенная ливнем, словно грифелем простого карандаша. Неподалеку от меня возникает пустая застекленная автобусная остановка. Электронное табло с расписанием маршрута высоко над головой, выдает наборы букв, из которых даже слово не сложишь, не говоря уже о какой-то информации. Я забираюсь под крышу, кутаюсь в мокрое пальто, подкуриваю новую сигарету, пряча ее от дождя.

Сигарета тлеет медленно. Серый дым мешается с серостью ливня, асфальта и бетона вокруг меня.

Немного дальше, на той стороне пешеходного перехода я замечаю выдавший виды светофор. Такой же нелепый и ненужный, как и я на этой самой улице. На нем не горит ни единого диода или лампы. Вместо привычных трех цветов, знакомых еще с самого детства, потекшими чернилами вы-

ведены три буквы: «А,В,С» друг под другом.

Я докуриваю сигарету и шагаю в темноту.

Глава 3

В кафе чисто и светло. Горят энергосберегающие лампы под потолком нежным голубым светом. Угловые диванчики укрыты мягкими пледами. Деревянные столики вдоль стен выставлены ровно и четко по одной линии каким-то педантичным перфекционистом. На одной из стен висит телевизор. Он выключен, но едва ли стоит искать пульт. На другой – какие-то фотографии и картины. Что на них – никак не разглядеть. Вместо правой стены – одно огромное окно через которое барабанит утомленный дождь. Я не слышу его, но воображение вырисовывает нервный ритм серых капель. Я смотрю на улицу, прислонившись лицом к стеклу, пытаюсь согреться и сдерживать дрожь. Тишина почти гробовая. Только мерно капает кран где-то на кухне. Так тихо и назойливо, что от этого сводит скулы. Дождь продолжается.

За соседним столиком сидит девушка. Ей около тридцати. Блондинка с большими изумрудными глазами. Хрупкая, словно фарфор. У нее тонкие черты лица. На губах улыбка. Она смотрит на меня почти не отрывая взгляд. В прошлые века, художники и поэты наперебой бы читали ей стихи и писали картины, восторгаясь красотой и женственностью, а за этот взгляд вызывали бы на дуэли. Но теперь – она одна. В пустом кафе.

Она красива, но ничем не напоминает Хеллу.

Собственно говоря, а как выглядела Хелла? Я пытаюсь воссоздать перед глазами ее образ, но не могу представить ничего конкретного.

На девушке блузка и брюки, а на спинке дивана неряшливо свисает темный плащ. Она одета просто, но со вкусом. Правда, на шее тяжелый вязанный шарф, который совсем не вяжется с ее стилем и смотрится лишним. Впрочем, что может знать о красоте и эстетике стиля промокший до нитки человек в чужом пальто. Я поднимаю глаза, пытаюсь улыбнуться ей в ответ.

– Наконец-то проснулся, – произносит она, и от звука ее голоса мне становится легче, – Ты же не случайно здесь, да?

– Прошу прощения, – мой собственный голос после ее слов звучит вороньим карканьем, – Мне кажется, я не совсем понимаю, что...

– Ты же помнишь, как ты пришел из *Геборота*? – она даже не спрашивает, а скорее утверждает. На какой-то миг ее лицо бледнеет и теряет свою ослепительную красоту – Хотя, подожди-ка... Господи, ты что, совсем ничего не помнишь?

– Я точно здесь впервые, – твердо заявляю я, пытаюсь придать своей речи хоть толику уверенности, – Впервые в этом районе, но точно из этого города. И что такое Геборот я не знаю. Вы меня с кем-то перепутали. Пожалуйста, помогите мне разобраться. Мне кажется, что...

– И что же это за город, как ты думаешь? – она улыбается

мне почти нежно. Так мать смотрит на своего несмышленного ребенка, когда тот задает вопросы про окружающий мир, – Где мы сейчас?

– Глэкнер. Восточная Германия. Я не настолько сошел с ума, чтобы это забыть. А это кафе... черт, да я не разглядел названия, под этим дождем! Разве это важно?

– Значит, все снова... – эти слова она произносит с обидой. И такой тоской, что весь серый мир за окном кажется жизнерадостным раем, – Это нечестно! Нечестно!

– Послушайте, фрау, вы, наверное, меня не правильно поняли...

Она вновь поднимает на меня взгляд. В ее изумрудных глазах стоят маленькие осколки хрусталя. Она вытирает слезы, поднимается со своего места и садится напротив меня. Я наблюдаю за ней не произнося ни слова. Я удивлен ее реакцией, но совсем не напуган. Словно я знал, что она поведет себя именно так.

– Это не Глэкнер, Виктор, – говорит она уже тише и спокойнее, – Это совсем не Глэкнер. Прости, я не должна была так давить на тебя сразу. Просто я уже устала снова и снова говорить об этом.

– Мне вы сказали об этом впервые. И откуда вы знаете мое имя? Разве мы встречались?

Она грустно усмехается. Ее улыбка кажется до боли знакомой. Я хочу взять ее за руку и успокоить, но что-то удерживает меня от этого шага.

– Я говорила это тебе, или тем, кто был до тебя, какая теперь разница? Впрочем, раз все началось снова, давай по порядку, – на этот раз в ее голосе нет злости, а есть только смертельная усталость, – Спрашивай. Так будет гораздо проще.

Головная боль, зародившаяся в левом виске снова начала маршировать из угла в угол моей черепной коробки. Я морщусь, пытаюсь отогнать боль от себя, но выходит из рук вон плохо. Девушка напротив пожимает плечами.

– У тебя снова мигрень? Черт, постоянно забываю, как это бывает... Выпей зеленого чая. Это тебе всегда помогало.

– Я не пью зеленый чай. Если можно, кофе.

– Увы, Виктор, нельзя, – теперь она говорит с привычной усмешкой, – Благодаря кое-кому в этом месте нет ничего, кроме зеленого чая. Или он, или ничего другого просто не остается.

– Во всем кафе нет кофе? Не смешите меня.

– Тебе лучше не знать пока, что есть в этом месте, – ее серьезность режет тишину, как острое лезвие, – Выпей чаю. Тебе поможет.

Она возвращается через несколько минут с дымящейся чашкой. Напиток слишком горячий, но я заставляю себя проглотить все до капли. Если не уймет головную боль, так хоть поможет согреться.

– Ну, как? Уже легче?

– Где все люди? Ведь не может быть такого, чтобы в этом

кафе были только мы двое?

– Здесь остались только мы. Чтобы было понятнее, во всем городе наберется еще пара-тройка людей. Старый Клаус на маяке, Эмилия на Синвер-роуд, да еще этот, параноик, Бастиан, в полицейском участке. Во всяком случае, раньше они были точно. Что осталось теперь, после перепечатывания... будет видно, впрочем. До остальных или не добраться, или их уже просто нет.

– Вы сошли с ума, – говорю я злобно, уже даже не пытаюсь контролировать свою ярость, – Город из трех человек? Глэкнер вымер? Да что тут с вами?

Неизвестная смотрит на меня с жалостью и сожалением. Я пытаюсь найти слова, чтобы поставить ее на место, одернуть, заткнуть, наконец. Но ловлю раскрытым ртом только воздух.

– Никогда ты не веришь с самого первого раза. Сложно, но ты должен понять. Это не Глэкнер, не тот город к которому ты привык. Это место... мы называем его Обскура. Город-внутри. Все это, вокруг нас, просто нереально. Иллюзорно. Как плохой сон. Или галлюцинация.

– Бред, не стану слушать! Если все это иллюзия, то почему есть я? Я – живой, а не вымысел больного разума!

На этот раз в глазах девушки мелькнуло удивление. Кажется, теперь я смог подцепить ее, наступить на большую мозоль.

– Нет, мой дорогой. Даже такого человека, как Виктор Венцель, уже давным-давно не существовало.

Глава 4

Если верить научным исследованиям, то риск смертности, среди лиц, страдающих шизофренией в два-три раза выше, чем у всего остального населения земли в целом. Эта смертность связана не с проблемой психики, а с сопутствующими заболеваниями, такими как, сердечнососудистая недостаточность, банальный обмен веществ в организме или инфекционное вмешательство.

В среднем, от этого заболевания страдают свыше двадцати миллионов человек, хотя шизофрения встречается гораздо реже прочих проблем психики. Это значит, что некоторые люди могут доживать в фантазиях весь свой долгий или краткий век, хотя наука еще не выявила ни одного фактора, способствующего возникновению шизофрении. В больницах ведется устранение симптоматики, а не корня проблем.

А здесь борьба с шизофренией ведется только по средствам зеленого чая. Ненавистного зеленого чая, которого набралось на столе уже три кружки.

– Меня зовут Бретта, – голос моей новой знакомой теперь звучит ярко и красочно, как солнечные лучи в апреле, – Бретта Шенк. Я фотограф.

– Мое имя тебе уже известно, как я понимаю...

– Кто же в городе Глэкнер не знает выдающегося писателя

Виктора Венцеля с его романом «Остров Чудес», – она горько усмехается, кивая головой на выключенный телевизор, – На всех главных каналах одно. Хочешь взглянуть?

Не дожидаясь ответа, Бретта щелкает пультом. Экран мягко озаряется розовым цветом. На нем проступает немая статичная картинка. Моя фотография в полупрофиль, а рядом стопка книг, одна из которых поставлена на ребро. Надпись рядом гласит «Бестселлер номер один! «Остров Чудес» Виктора Венцеля уже в магазинах!» Ниже, там, где должен был находиться номер телефона для удаленного заказа, значилась очередная мешанина из букв. Ничего осмысленного.

– И это все? – спрашиваю я скептически, – Больше ничего нет?

– Другого не придумали, – хмуро говорит Бретта, – Можешь потом полистать каналы. Или очередной белый шум, или твоя реклама.

– Бред какой-то, – отмахиваюсь я, – Я рад, что я звезда первой величины, но теперь, помоги мне разобраться. Расскажи.

– Рассказать просто. Поверить будет гораздо сложнее.

– Я попытаюсь. Начинай.

Бретта кашлянула, потянулась к плащу, вытащила пачку сигарет и спички. Подкурила, посмотрела на меня в упор.

– Послушай, Виктор, и ответь мне, как писатель. Или, как обычный человек. Кем является автор произведения для персонажей своей книги? Нет, не отнекивайся. Отвечай. Это

самый простой способ до тебя достучаться.

– Если проводить самую простую аналогию – то, режиссером. Или постановщиком. Кукловодом. Не знаю, как выразиться конкретнее.

– Бери выше, не скромничай.

– Хм, Богом?

– Так будет правильнее, – кивает Бретта в ответ, протягивая мне свою пачку, – Кури. От рака легких здесь не умирают. Так вот, этот вышеупомянутый автор создает людей-персонажей, переносит их в выдуманный мир-сцену, связывает их нитками-отношениями, чтобы разыграть пьесу до самого конца. От первого до последнего акта, правильно?

– Витиевато, но верно. Продолжай, я тебя слушаю.

– А что бывает тогда, когда Бог бросает свое творение только начав его создание?

– Хм. Ничего. Нет произведения – нет идей. Книга не заканчивается одним словом.

– Именно. Если все сводится только к началу и первым зарисовкам, то нет никакого продолжения сюжета. Нет развития. И нет смысла. Но давай слегка усложним задачу. Положим, этот Бог, писатель, большой шутник и извращенец придумал, хоть и сам того не ведая новый механизм вселенной.

– Ты меня опять пугаешь. Нельзя ли конкретнее и проще?

– Смотри. Бог создает вселенную, а в ней другого Бога, чтобы тот создал вселенную себе. Тот порождает третьего,

тот четвертого и так дальше, и так дальше до бесконечности, понимаешь? Так же и автор, который пишет книгу про писателя, который пишет книгу, в которой главный герой – писатель, он пишет...

– Хватит. Остановись-ка. Я до сих пор не понимаю, к чему ты ведешь, – говорю я осторожно. Что-то от этих разъяснений становится совсем не по себе.

– Прошлый Виктор Венцель был намного сообразительнее, – устало произносит Бретта, стряхивая пепел на пол, – Видимо, с каждым новым перепечатыванием теряется все большая и большая часть. Ладно, давай еще проще. Ты и я – персонажи книги. Даже хуже. Ты и я – персонажи черновика. И даже не оригинала. А восьмой или девятой недокопии. Ну что, так тебе проще?

В гнетущей тишине я видел, как светится красным уголек ее сигареты. Где-то на кухне настырно протекал кран. Я пытался найти слова, но снова увязал в них, как в топком болоте. Тысячи мыслей металась в голове сплошным потоком, таким быстрым, что я не мог сосредоточиться и вырвать из этой мешанины хотя бы одну.

– Бред, – изрек я наконец, – Полная чушь.

– В прошлый раз ты сказал, что я сумасшедшая сука, – заметила Бретта, потушив сигарету о край стола, – Часть твоего хамства ушла вместе с перепечаткой. Хоть это радует. А теперь, послушай меня. И слушай внимательно, потому что от этого зависит почти все в Обскуре.

Много-много лет назад, на планете Земля, может быть в этом самом городе под названием Глэкнер, жил один писатель. Никто из нас не знает его настоящего имени, но мы называем его Прим. Да-да, как в фехтовании называют первую позицию, как используют обозначение в математике. Бог, Прим, какая разница. Это одно и то же.

Так вот, Прим был бездарью и алкоголиком. Может быть, в далеком прошлом он писал великие шедевры, но когда его идеи закончились, он столкнулся с творческим кризисом и боязнью белого листа. Как говорили те, кто был до нас, он долго пытался удивить своих читателей чем-то новым, еще не виданным. И однажды он занялся одной книгой, которая так и не получила названия. Хотя нет, мы придумали ей имя – *Obscure*. Обскура. Понимаешь, как иногда может зародиться новая религия?

Прим пристрастился к выпивке. Это раскрывало его сознание и позволяло справиться со страхами, как я слышала. Да ты и сам должен знать, правда? Итак, Прим начал писать книгу о некоем именитом писателе по имени Виктор Венцель. Этот Виктор тоже владел пером и работал над безымянной книгой. Прославился благодаря своей драме... Думаю, название сам угадаешь? Но проблема в том, что и он получил в наследство от своего литературного отца творческий кризис и ту же самую фобию. Видишь ли, вся проблема в том, что

Прим писал свою биографию. И так получилось, что именно ты стал его альтер-эго. Понимаешь, в чем дело...

– Прекрати, – цежу я одно словно, – Прекрати...

– Рада бы, да это входит в мои обязанности, дорогой. Иногда, мне хочется думать, что ты – Данте, а я – твой Вергилий, который ведет тебя по кругам ада. Это лучше, чем быть просто полузабытым очерком, рожденным каким-то неудачником-графоманом, – голос Бретты теперь отдает металлом, – Но дай мне договорить. Те, кто был до нас, говорили, что Обскура была почти закончена. Приму оставалось только дописать финал.

Но Прим забросил книгу. Может, нашел идею получше. А может, просто забыл про нее. Так или иначе, но Прима не стало. История оказалась незаконченной, и в нашем мире, который он создал, остался изрядный пустой кусок...

Она спешно закурила еще одну сигарету, вновь посмотрела на меня. В глазах ее опять стояли слезы.

– Ирония в том, что первый Виктор, из оригинального черновика, возомнил себя Примом, и перепечатал эту историю, создав болезненную копию. Он старался исправить ошибки автора, но вышло так, что совершил их еще больше. И тогда у нашего города Глэкнера стало не хватать еще одной части. И нескольких персонажей, хоть и не ключевых, но все таки. Потом за дело взялся следующий Виктор. Он почти довел рукопись до ума, но ему взбрело в голову переиначить

изначальный сюжет, подарить счастье всем жаждущим... Он не знал, что сюжет нарушать нельзя. И тогда, от нашего города осталась только половина. А из Обскуры только часть. Четвертый Виктор так и не поборол свой страх белого листа. После его перепечатки наш мир больше не подлежит воссоединению, а изначальный сюжет книги уже забыт.

– А какой я... Какой я Виктор по счету?

– Восьмой. Или девятый. После твоего предшественника осталось не больше трех улиц и пара-тройка зданий. И не больше пяти персонажей.

– А как же моя жена... Я ведь помню Хеллу! Я ведь помню нашу жизнь, наш дом...

– Перепечатка сохраняет память. Тебе уж точно. Не было бы тебя – не было бы и книги. Если тебе так будет проще, Хелла была только в оригинале Обскуры. Первый Виктор решил избавиться от нее, но сохранил в памяти следующих себя любовь и привычку. Жестоко, согласна. Жестоко поступили со всеми, мой дорогой. Все предыдущие Виктор перепечатывали меня так, чтобы я не могла забыть всего, что происходило раньше. Я как хранительница знаний в этом мертвом городе. Все остальные, хоть раз, но менялись.

– Но люди на улицах... Я их видел!

– Это не люди, – вздыхает Бретта, переводя взгляд на дождь за окном, – Это упоминания автора. К примеру, написал Прим, что на улице прошел человек, но не раскрыл его, не описал толком, и на наших улицах появился тот, кого ты

видел в окне. Мы их зовем *конттурами*. Или *очерками*. Они разные бывают. Есть точные копии людей, даже разумные. А есть... впрочем, лучше не будем об этом. Но на будущее запомни – эти твари опасны. Лучше к ним не подходить. Все здесь существует только потому, что последний Виктор это успел написать. Вот и приходится довольствоваться зеленым чаем, да сигаретами. Хоть этого в избытке. В прошлом черновике Виктор упомянул алкоголь. Но какой не уточнил. Открываешь бутылку, а там – буквы.

– *Буквы в бутылке?* – спрашиваю я, почти по слогам, – Буквы в бутылке?

– Тебя только это удивляет? – спросила Бретта возмущенно, – Тебя не смущает, что мы лишены даже нормального хода времени, скажем из прошлого в будущее и наоборот. Не знаем, что уже произошло, а что только будет. И все в этих буквах. Или ты думаешь, что в нашем мире все состоит из плоти, крови, камня и кости?

– Нет, но буквы...

– Ты же видел светофор на углу? Или часы в кармане пальто? Да, трое до тебя показывали мне эту штуку. «Re» вместо цифр и стрелок. Тут хоть смысл есть, послание тебе от самого себя. Это сокращение от слова Reply. Указывает на то, что письмо является ответом на предыдущее, с этой же темой. Все связано с буквами, все из них состоит! А из чего, как ты думаешь, может быть создан книжный мир, и вся книжная вселенная?

– В прошлый раз я сказал, что ты сумасшедшая сука, Бретта, – хрипло говорю я, задыхаясь от злости, – И сейчас я скажу, что ты...

На прекрасном лице девушки мелькает зловещая улыбка.

– Если я за что-то и благодарна тем, кто был до тебя, Виктор, так это за то, что они никогда не забывали перепечатывать мои шрамы, – произносит она тихо. Ее руки ловко разматывают шарф на шее быстрыми точными движениями. Это происходит так стремительно, что я не успеваю ее остановить.

– Смотри же! – возглашает она почти триумфально.

Горло девушки распорото, словно ножом мясника. Крови давно уже нет, но разрез вгоняет в ужас. Вместо шрама – только ряды беспрестанно сменяющихся черных букв, выскакивающих одни за другими. Гласные, согласные, они мелькают так быстро, что я не могу их разглядеть. Только одно слово, точно посередине остается неизменным. Шрифт выбран крупный. Напечатан... нет, вбит, прямо в центре чудовищной раны. Одно короткое слово.

– Боль, – читаю я едва слышно.

Бретта завязывает шарф, закуривает сигарету, несколько мгновений смотрит в окно, после снова оборачивается ко мне. Она опять улыбается.

– Раз наш разговор так затянулся, может, выпьем еще зеленого чаю?

Глава 5

Дождь закончился ближе к утру, когда тяжелое бархатное небо, укутанное серыми валами туч, посветлело, и стало шелковым. Недалеко от кофе, где мы коротали ночь, прямо над головой виднелся неровный рваный шов, с которого свисали оборванные нитки.

– Один из Викторов был очень поэтичен, – едко отвечает Бретта на мой вопрос, – Вот он и напечатал, что небосвод сшили за одну ночь. Обскура все понимает слишком буквально. Пара персонажей тогда попытались выбраться отсюда, хотели посмотреть, что снаружи. Даже распороли облака, как видишь. А внутри – только солома, да буквы. А под ними – бетон. Кажется, Юргенс не вынес этого и повесился на одной из ниток. Его хорошо отсюда было видно.

– Так здесь можно умереть?

– Можно, – говорит Бретта, словно удивляясь моей наивности, – А что толку? Умрешь сегодня – завтра проснешься с газетой под дверь. Или новый Прим тебя перепечатает. Обскура слишком любить своих персонажей, чтобы просто так их отпускать.

– А что за газета под дверь? – снова спрашиваю я.

– Когда Прим перепечатывает книгу, персонажи не знают об этом. Только наутро, вот, встанешь, а на пороге лежит газета с твоей рекламой «Острова Чудес». Кто ее раз-

носит – черт его знает. Газета – плохой признак. Понимаешь, после перепечатки теряется часть тебя самого. У кого-то внешность меняется, у кого-то привычки, а у кого-то память. А кого-то в книге нет вовсе. Он становится контуром, или просто перестает существовать. Меня перепечатавали только один раз, но и этого хватило.

– И что же с тобой произошло? – я чувствовал, что она не хочет говорить, но этот вопрос напрашивался сам собой.

– Я не помню, почему я всегда просыпаюсь в этом кафе, – холодно отвечает Бретта, открывая дверь на улицу, – Всегда одна, всегда в одном и том же месте. Я не помню своей истории. Только знаю, что я совершила что-то очень и очень плохое. Зачем и что именно мне неизвестно. Сюжет поменяли, а твои предшественники не слишком щепетильно раскрывали персонажей. Так, стоп. Ох, дьявол, и правда, смотри.

Она указывает на размокший от дождя рулончик газеты, подоткнутый под дверь. Моя фотография начинает вызывать приступы тошноты – так часто я ее вижу в последнее время. Газета объемная – не меньше двадцати страниц, но все они, кроме заглавной, засыпаны сором из бессмысленных букв, напечатанных, вдобавок, разными шрифтами.

– Значит, нас в очередной раз перепечатали, – произносит Бретта будничным тоном, бросая газету на стол, – Интересно, кого не стало в Обскуре на этот раз? Может этого дурака на заправке? От него все равно смысла никакого. Надо взглянуть, что теперь творится вокруг. Не сидеть же вечно

в этой дыре.

На улице свежо, дышится свободно и легко. Даже вся нелепица Обскуры показалась мне не так абсурдной, какой казалась этой ночью. После дождя слишком сыро, и я никак не могу справиться с дрожью, когда мы выходим из кафе на пустую дорогу, недалеко от небесного шва.

– Утром контуров почти нет, – доверительно сообщает мне Бретта, деликатно беря меня под руку, – Они появляются ближе к ночи, под дождем, а дождь прописан во второй половине дня. Если, конечно, прошлый Прим не придумал чего поинтереснее. Но это маловероятно. Чаще всего, примы перепечатывают куски старых черновиков, добавляя что-то от себя. Поэтому наш окружающий мир состоит из разных частей, часто плохо друг к другу подогнанных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.